
A 125/295

ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ

И

КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

ИРКУТСКЪ.
Типографія штаба войскъ.
1863.

Печатано по распоряженію мѣстнаго начальства.

ДИМИТРІЙ ДОНСКОЙ И КУЛИКОВСКАЯ БИТВА.

(По лѣтописному сказанію).

Лѣтъ за 600 передъ симъ наше отечество постигнуто было, по Божію попущенію, великимъ бѣдствіемъ: пришли на него изъ за-Волги невѣдомые люди, называемые монголами, а иначе татарами,—выходцы изъ тѣхъ мѣстъ Сибири, гдѣ находятся верховья Амура,—и въ два похода не только опустошили Русь изъ конца въ конецъ, подъ начальствомъ царя своего Батыя, но и на долгія времена наложили на нее свое иго. Безъ малаго двѣсти лѣтъ съ половиной русскій народъ изнывалъ и томился въ тяжкой неволѣ, покамѣстъ не насталъ на московскомъ государствѣ вѣчной памяти государь Іоаннъ Васильевичъ третій и, укрѣпившись всенародными силами, свергъ въ 1480 году ненавистное рабство.

— Не вдругъ однакожъ освободилась Русь отъ татаръ при государѣ Іоаннѣ Васильевичѣ.

Освобожденіе это подготовлялось уже его предками, изъ которыхъ особенно одинъ достопамятенъ, княжившій за 100 лѣтъ передъ тѣмъ. То былъ знаменитый князь московскій Димитрій Іоа-

новичъ, «первоначальникъ русской славы», прадѣдъ Іоанна Васильевича третьяго.

При князѣ Димитріѣ Іоанновичѣ уже довольно пособралась Русь воедино изъ своего прежняго раздробленія на многія части, которыя назывались удѣлами или удѣльными княжествами, а орда татарская между тѣмъ ослабѣла отъ происходившихъ въ ней часто усобицъ. Зная это, Димитрій Іоанновичъ и рѣшился попытать счастія помѣряться съ нею силами, въ надеждѣ одолѣть поработителей.

Дѣло было такимъ образомъ: въ лѣто 1378 по Р. Хр. ордынскій царь Мамай выслалъ войско, тысячь въ пятьдесятъ, въ княжество московское—повоевать его и понудить московскаго государя къ платежу себѣ не-обычной дани. Но московскій государь не побоялся дать ему отпоръ и вышелъ противъ непріятеля съ равною ему силою. Русскіе встрѣтились съ татарами на рѣкѣ Вожѣ, (въ нынѣшней Рязанской губерніи), и крѣпко съ ними схватились. Недолго татары устояли въ полѣ противъ христіанскаго мужества, и повернувъ свои копья, побѣжали за рѣку Вожу. Много Русь перебила и приколола ихъ на побѣгѣ. На другой день, когда уже разбитый врагъ скрылся изъ глазъ, Димитрій Іоанновичъ наѣхалъ со своею дружиною на шатры и вежи татарскія, на телѣги и обозъ ихъ въ чистомъ полѣ: все было брошено въ безпорядкѣ татарами и поразобрано русскими ратниками. Татары же со стыдомъ и великимъ недочетомъ убрались въ свою орду, на берега Волги, въ городъ Сарай, гдѣ со временъ Батыя былъ ихъ постоянный притонъ.

Тогда Мамай распалился гнѣвомъ и сказалъ

своимъ мурзамъ и воеводамъ: «пойдемъ на русскаго князя и на его землю, какъ было при царѣ Батыѣ; раззоримъ христіанъ, церкви Божіи пожжемъ и законъ ихъ изгубимъ». И началъ царь Ордынскій собирать свои полки: пришли въ движеніе всѣ татарскія колѣна. Тогда же Мамай сослался съ Литовскимъ княземъ Ягайло и со своимъ «пособникомъ» въ Россіи, лукавымъ княземъ Олегомъ Рязанскимъ. Съ обоими уговорился онъ подняться на благовѣрнаго князя, Димитрія Іоанновича московскаго, на берегахъ р. Оки. Въ августѣ мѣсяцѣ дошла вѣсть о томъ изъ орды до Димитрія, а тѣмъ временемъ и Олегъ Рязанскій прислалъ къ нему гонца со льстивыми вѣстями: «Мамай идетъ со всѣмъ своимъ царствомъ на мою Рязанскую землю—на меня и на тебя и князь Литовскій—тоже; знай это».—Димитрій усердно помолился Богу въ соборной церкви Богоматери о заступленіи небесномъ и тотчасъ обратился къ брату своему двоюродному, Владиміру Андрѣевичу, князю Серпуховскому, и ко всѣмъ прочимъ русскимъ князьямъ и великимъ воеводамъ съ призывомъ: «выйдемъ противъ окаяннаго и безбожнаго, нечестиваго и темнаго язычника, Мамая, и постоимъ за правую вѣру христіанскую, за св. церкви Божіи и за весь міръ христіанскій».—Былъ тогда митрополитомъ на Москвѣ Кипріанъ.—Димитрій Іоанновичъ отправился къ нему и сказалъ: «Знаешь ли, владыко, нашу бѣду?—Царь Мамай идетъ на насъ съ неукротимою злобой!» Преосвященный митрополитъ отвѣчалъ: «скажи мнѣ, государь,—въ чемъ ты передъ нимъ не исправился?»—«Исправился во всемъ сполна, по уставу отцовъ и даже болѣе ихъ».—«Видишь ли, государь,—попущеніемъ Бо-

жіимъ, ради грѣховъ нашихъ, идетъ врагъ плѣнить русскую землю?—Надлежитъ русскимъ князьямъ утолить его алчность четверицею для спасенія христіанской вѣры, ради рода христіанскаго. Если же и тогда не смирится, то писано, что Господь гордымъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать.—Нынѣ же собери, сколько есть у тебя золота, и пошли къ нему».—Димитрій Іоанновичъ послушался совѣта митрополичьяго, не хотя кровопролитія и, взявъ изъ казны своей много золота, послалъ его съ однимъ разумнымъ человѣкомъ изъ служилыхъ дворянъ своихъ (по имени Захаріею Тошковымъ) къ царю татарскому, давъ ему въ провожатые двухъ толмачей, знающихъ татарскій языкъ. Но Мамай не удовольствовался и потребовалъ себѣ прежней великой дани, какъ въ старину было при царѣ Узбекѣ. Димитрій наотрѣзъ отказалъ.—Между тѣмъ на призывъ Великаго князя откликнулась вся земля русская.—Князья и бояре и удалые люди оставляли свои домы и достоянье, женъ, дѣтей и весь почетъ, чтобы сложить свои головы за родимый край. Великій князь Димитрій и братъ его Владиміръ Андрѣевичъ наострили сердца свои мужествомъ и своею крѣпостію напомнили прадѣда своего Владиміра Кіевскаго.—Съѣзжались русскіе князья со всѣхъ сторонъ со своими дружинами—кто въ Москву, кто въ Коломну, которая назначена была сборнымъ мѣстомъ для выступленія въ походъ. Ржали кони въ Москвѣ, били бубны въ Коломнѣ, трубили трубы въ Серпуховѣ, раздавался кликъ военный по всей землѣ, гудѣли вѣчевые колокола въ великомъ Новѣгородѣ.— Ополчались люди всѣхъ званій и шли на честь и смерть.—Не одни русскіе, даже ли-

товскіе, единовѣрные намъ князья, родные братья Мамаева союзника Ягайло, Андрей и Димитрій, поспѣшили на помощь къ государю Московскому. Изо всей Руси не доставало только одного князя—Олега Рязанскаго. «Была у него, пишетъ одно современное сказаніе, скудость ума въ головѣ, сатана вложилъ хитрость въ сердце его, и началъ онъ пересылаться съ Мамаемъ—царемъ послами со многою честію и дарами, и такой написалъ ему ярлыкъ: «Восточному царю Мамаю твой посаженный присяжникъ, Олегъ Рязанскій.— Слышалъ я, что ты, государь милостивый, хочешь идти на Русь, на своего посаженника и служебника, на князя Димитрія Московскаго, чтобы навести на него грозу: теперь самое тому время. Земля его полна казны и всякаго добра. Извѣстно мнѣ, царь всесвѣтлый, что Димитрій—человѣкъ смирный. Когда онъ услышитъ о грозѣ твоей, которую ты на него подымаешь, то побѣжитъ отъ тебя въ дальній утекъ, въ какое-нибудь пустое и неключимое мѣсто, казну же и все добро свое оставитъ въ твоихъ рукахъ. А меня, своего раба, пощади ты, царь. Я буду наводить страхъ твоего имени на Русь и на князя Димитрія.—Онъ городъ мой Коломну взялъ за себя. О томъ бью тебѣ челомъ».—Кромѣ того Олегъ уговаривалъ и Литовскаго князя приложиться къ Мамаю, чтобы завладѣть черезъ него Москвою, которой тотъ давно домогался, а самому захватить Коломну и другіе города близъ Мурома и Владиміра.—Радовался Мамай такому дѣлу. «Я чаялъ, говорилъ онъ своимъ мурзамъ, что они воедино соединятся на меня, а теперь вижу—между ними великая рознь». «Но изрывающій другому яму, самъ въ нее падаетъ»—Такъ записано

въ лѣтописяхъ про Олега Рязанскаго. Но врядъ ли онъ такъ былъ виноватъ, какъ думали о немъ тогда въ народѣ. Для Рязанскаго князя бѣда была въ томъ, что его княжество находилось на перепутьѣ между ордою и Москвою. Чѣмъ бы война не рѣшилась, татары непремѣнно должны были пройти по нему и въ конецъ его раззорить. Отъ того Олегъ и хотѣлъ сохранить миръ съ ханомъ и, желая въ душѣ успѣха князю Московскому, давалъ ему знать обо всѣхъ движеніяхъ татаръ, но не смѣлъ посылать имъ на помощь войска и во все время переписывался съ ханомъ.

Собралось подъ рукою Димитрія Іоанновича до полутораста или даже до двухъ сотъ тысячъ христіанскаго воинства.—Такой силы еще не бывало въ соединеніи у насъ отъ начала Руси. Тѣ самые воины, которые недавно губили другъ друга въ усобицахъ лѣтъ минувшихъ, становились теперь, какъ одинъ человѣкъ, подъ общимъ великокняжескимъ знаменемъ и подъ одними хоругвями. Во имя родины и вѣры отеческой исполчались они на великую брань съ сопротивниками креста Христова, забывъ всѣ старые счеты по различнымъ княжествамъ, къ которымъ принадлежали.—Наканунѣ выступленія въ походъ, когда уже все было готово, Димитрій Іоанновичъ вмѣстѣ съ князьями и боярами отправился въ святотроицкую обитель (въ 60 верстахъ отъ Москвы) помолиться тамъ св. живоначальной Троицѣ и принять благословеніе отъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, бывшаго тогда въ ней настоятелемъ. Былъ день воскресный на-память св. Фрола и Лавра. Отслужилъ преподобный Сергій литургію. Послѣ литургіи онъ просилъ благовѣрнаго князя со всею братіею

вкусить у нихъ хлѣба-соли. Великій князь отговаривался: «время не терпитъ, говорилъ онъ; пришли вѣстники,—сказываютъ, что приближаются къ намъ поганые». Но сказалъ на это преподобный: «малое сіе замедленіе благопоспѣшливо тебѣ будетъ.—Дано тебѣ будетъ, государь, носить вѣнецъ побѣды, и инымъ многимъ съ тобою сплетаются вѣнцы». Великій князь послушался. А тѣмъ временемъ освятили воду надъ мощами св. мучениковъ Фрола и Лавра, и когда Димитрій всталъ изъ-за трапезы, преподобный окропилъ его и всѣхъ бывшихъ съ нимъ и, возложивъ на чело его крестное знаменіе, молвилъ: «что довлѣетъ твоей державѣ?— Не надо ли чего тебѣ на потребу»?—Отвѣчалъ святому князь: «дай мнѣ, отче, двухъ старцевъ —иноковъ, воеводъ отъ полка твоего: тѣмъ и ты намъ послужишь службу».—«О какихъ, государь, говоришь старцахъ»? спросилъ Сергій. —«О двоихъ братьяхъ Брянскихъ, боярахъ Пересвѣтѣ и Ослябѣ«. Преподобный повелѣлъ имъ изготовиться. Оба они были въ міру искусные ратники, сильные и мужественные. Давно уже оставили они свѣтъ и, забывъ все мірское, посвятили себя одному Богу. Но какъ пришелъ часъ испытанія Божія, захотѣли и свои головы положить за отечество. Отпуская ихъ, Сергій вручилъ имъ многотвердый доспѣхъ креста Христова, нашитый на схимахъ, и сказалъ: «вотъ оружіе нетлѣнное,—разите имъ враговъ! Идите, братіе, съ миромъ и постраждите за имя Христово, доблестные Христовы воины»! Вмѣстѣ же съ ними далъ святитель Христово знаменіе, миръ и благословеніе и всему православному христіанскому воинству.—Съ радостію въ сердцѣ воз-

вратился Димитрій въ Москву, но никому не открылъ того, что сказалъ ему троицкій старецъ, кромѣ преосвященнаго митрополита Кипріана, который и отъ себя подтвердилъ князю удержать въ тайнѣ слова преподобнаго.

На другой день утро было тихое и ясное. Колокольный звонъ раздавался по всей Москвѣ. Войска, провожаемыя крестнымъ ходомъ и густыми толпами народа, который громко прощался съ ними, выступали въ походъ. Въ это время Великій князь въ архангельскомъ соборѣ горячо молился надъ гробами своихъ предковъ и давалъ себѣ клятву—биться съ татарами до послѣдней капли крови. Оставивъ управленіе Москвою и княжествомъ своимъ вѣрнымъ боярамъ, онъ вложилъ ногу въ стремя, съ нимъ и всѣ князья и воеводы сѣли на коней. «Не пощадимъ, братья, сказалъ Димитрій, обратившись къ Владиміру Андрѣевичу и прочимъ своимъ сподвижникамъ, живота своего за вѣру христіанскую, за св. церковь и за всю землю русскую»!—За всѣхъ отвѣчалъ Владиміръ Андрѣевичъ: «воеводы и удальцы русскіе хотятъ сложить свои головы за вѣру христіанскую и за твою обиду—государеву»!

Пошли князья и воеводы изъ Москвы со своими дружинами въ разные концы города,—кто на Брашево, кто по Болвановкѣ, а самъ Димитрій—на Котелъ—къ Коломнѣ,—по той причинѣ, что одною дорогой нельзя было всѣмъ выступить за многолюдствомъ.—«Была тогда въ градѣ Москвѣ, говоритъ современный сказатель, и въ Переславлѣ, и во Владимірѣ, и въ Ростовѣ, и Костромѣ, и во всѣхъ городахъ Великаго князя и прочихъ русскихъ князей—туга великая, плачъ горькій и рыданія. Матери оплакивали

дѣтей своихъ, подобно Рахили, и не хотѣли утѣшиться, что они пошли съ Великимъ княземъ на острыя копья. И кто-только не плакалъ, глядя на ихъ слезы! «Бѣдныя наши дѣти! говорили русскія женщины: лучше бы намъ было не родить васъ! Незнали бы мы злострастныхъ печалей, не видѣли вашей смерти, неповинны были въ вашей пагубѣ»!..—Сама Великая княгиня Евдокія, супруга Димитріева, попрощавшись съ нимъ, взошла вмѣстѣ со своею снохой и другими княгинями и воеводскими женами на златоверхій свой теремъ—набережный и, присѣвъ у южнаго окна, такъ плакалась: «уже въ послѣдній разъ гляжу на тебя, Великаго князя»,—и слова ея заглушились рыданьями.—Тяжело вздохнувъ и прижавъ руки къ сердцу, она потомъ говорила: «Дай мнѣ, Господи, еще увидѣть государя моего, Великаго князя Димитрія Ивановича! Помоги ему одолѣть силу вражію! Не приведи, Господи, извѣдать то, что было христіанамъ на рѣкѣ Калкѣ отъ татаръ и злаго Батыя! (*) Спаси и помилуй насъ отъ такой напасти! Не допусти погибнуть оставшемуся христіанству! Отъ той рати земля русская уныла.—Не на кого уповать мнѣ, кромѣ тебя, Всевидящаго Бога. Есть только у меня два дѣтища, Василій да Юрій, но и-тѣ малыя.—Повѣетъ вѣтеръ съ юга, либо пахнетъ съ запада, не-то зной поразитъ ихъ,—на что обопруся?! Возврати имъ, Господи, отца ихъ здрава и невредима! Тогда и землѣ ихъ добро будетъ, и станутъ они царствовать.»

(*) Теперь Кагальникъ въ Екатеринославской губерніи, близъ Маріуполя —впадаетъ въ Азовское море. Здѣсь произошла первая встрѣча русскихъ съ татарами въ 1224 году.

Въ двадцатыхъ числахъ августа 1380 года прибылъ Димитрій въ Коломну и, урядивъ тамъ всѣ полки русскіе, двинулся на Оку, гдѣ присоединился къ нему со своею дружиною Владиміръ Андрѣевичъ. Когда переправились за Оку, Великій князь заказывалъ всѣхъ чиновъ людямъ въ своемъ войскѣ: «кто ни пойдетъ по землѣ Рязанской и по улусамъ, да не тронетъ ни единаго волоса на землѣ той»! И тогда же послалъ въ край татарскій для развѣдки десять человѣкъ сурожанъ (т. е. купцовъ, торгующихъ по Сурожскому или Азовскому морю съ генуэзскими купцами, какъ людей знакомыхъ съ татарами, съ ихъ обычаями и землей: Семена Мелика, да Игнатья Крепи, Фому Тинина, Петра Юрскаго, Карпа Алексина, Петрушу Чурикова и иныхъ). Эти купцы должны были извѣстить князя о томъ, что дѣлалось въ ордѣ. Они написали Димитрію, что Мамай со всѣмъ народомъ своимъ откочевалъ изъ своихъ улусовъ—въ степяхъ приволжскихъ—и подступаетъ къ Дону, чтобы ближе быть къ Руси, но отложилъ походъ на нее до осени.—Таковъ былъ у татаръ обычай. За множествомъ народа, имъ нельзя было возить съ собой на походѣ довольно запасовъ. А чѣмъ топтать конями не дозрѣлый хлѣбъ на корню по полямъ и потомъ голодать, имъ надо было ждать, когда снимутъ и сложатъ его въ клади: тогда и людямъ вездѣ пища и конямъ кормъ.—«Пусть ни одинъ человѣкъ не пашетъ у васъ хлѣба, приказывалъ Мамай татарамъ, дойдя до устья рѣки Воронежа на Дону и распустивъ свои полчища.—Будьте готовы на русскую землю на хлѣбы»!—Донесли также сурожане, что Мамай идетъ не одинъ, но и на сторонѣ имѣетъ

союзниковъ.

Тѣмъ временемъ Русскіе, подвигаясь по немногу впередъ, достигли 6-го сентября до р. Дона. Не вдали отъ того удалось имъ добыть татарскаго языка отъ одного перехваченнаго на дорогѣ татарина. Допросивъ его, узнали, что Мамай стоитъ на мѣстѣ и поджидаетъ къ себѣ на подмогу Ягайлу Литовскаго, чтобы сообща ударить на Русскихъ. «Силы у него видимо-невидимо; но о приближеніи Русскихъ онъ ничего не знаетъ».—Подойдя къ Дону и расположившись тамъ станомъ, много раздумывали Русскіе князья и воеводы, что дѣлать. Одни совѣтовали Великому князю перейти рѣку, другіе—отсовѣтовали, за множествомъ непріятеля, не только татаръ, но и Литвы. Толковали немало и ни на чемъ не рѣшили. Тогда заговорили Андрей и Димитрій Литовскіе: «Пойдемъ за Донъ! Не надо давать соединиться Мамаю съ Ягайломъ. На той сторонѣ мы и биться будемъ храбрѣе; потому что бѣжать будетъ некуда: тамъ и робкіе станутъ храбрыми» Разсудили притомъ, что если русское войско будетъ разбито, то вся Русь будетъ разорена, а ежели русскіе побѣдятъ, то лучше сразиться на чужой землѣ. Къ тому же и Литовскій князь стоялъ уже, какъ узнали, верстъ за 60 только къ западу, и нужно было биться съ татарами, не дожидаясь его прихода. Тогда же пришла грамота къ Димитрію отъ игумена троицкаго Сергія, въ которой онъ писалъ ему: «ступай, государь, на битву.—Богъ и святая Богородица будутъ тебѣ въ помощь». Эта грамота рѣшила дѣло.—Мамай же, свѣдавъ о прибытіи Димитрія съ великою ратью къ Дону, смутился умомъ и говорилъ своимъ мурзамъ:

«двинемся впередъ и станемъ у Дона противъ князя Димитрія, доколѣ придетъ къ намъ на помощь Ягайло Литовскій».—Великій князь сталъ передъ полками и сказалъ имъ громкимъ голосомъ: «пришло время, братья, святой брани.— Пойдемъ за Донъ. Останемся ли живы, умремъ ли за міръ—да будетъ воля Господня»—«Впередъ! кликнуло войско.—Умремъ за Русь святую»! Великій князь немедленно приказалъ наводить на рѣкѣ мосты для пѣшихъ воиновъ и искать броду для конныхъ. За ночь на 8-е сентября, на канунѣ праздника Рождества Богородицы, мосты были изготовлены, и началасьпереправа. Когда всѣ переправились на другую сторону, мосты сломали, и храброе христіанское воинство, нетерпѣливо желавшее сраженія, вступило въ землю непріятельскую.

На другой день, при восходѣ солнца (въ субботу) былъ густой туманъ, но часу въ шестомъ прояснило. Димитрій повелъ свои полки берегомъ Дона къ устьямъ рѣки Непрядвы (Тульской губерніи въ Епифанскомъ уѣздѣ).—Тамъ-то встрѣтились русскіе съ татарами и сразились съ ними на обширномъ полѣ, называемомъ полемъ Куликовымъ.

Князь Московскій расположилъ свои войска на холмѣ. Передъ нимъ разстилалась широкая равнина между лѣсами. На срединѣ холма водрузили чорный великокняжескій стягъ или знамя съ изображеніемъ Спасителя. За лѣсомъ въ сторонѣ засѣлъ съ отборною частію дружины Владиміръ Андрѣевичъ и съ нимъ воевода Волынскій, Димитрій, во всемъ помогавшій опытными своими совѣтами Димитрію Іоанновичу.—Цѣлый день простояли Русскіе, не тревожимые прибывавши-

.и на мѣсто татарскими отрядами, и отдохнули тъ похода. Къ вечеру нахлынули несмѣтныя олчища непріятелей и торопились занять берегъ Дона. Шумно и тревожно было въ станѣ Мамаеомъ отъ топота и ржанья коней и рева верблюовъ, отъ скрипа телѣгъ и разноголоснаго гула еловѣческаго; мирно и спокойно—въ христіанкомъ лагерѣ—послѣ вечерней молитвы. Ночь передъ великимъ побоищемъ до того была темна, что зги невидно, но тепла и тиха, какъ лѣтяя. Крѣпко спали христіанскіе воины, охраняеые бдительною стражею.—Не спалось только двумъ Димитріямъ,—Великому князю Московскому и другому князю—Волынскому —«Что-то завтра будетъ, думали они. Для многихъ это, можетъ быть, послѣдняя ночь». Пришолъ Димигрій Волынскій въ шатеръ великокняжескій и сталъ уговаривать Великаго князя не кручиниться.

«Выйдемъ, князь, въ чистое поле, говорилъ онъ ему, и посмотримъ примѣтъ, чему завтра быть. Я примѣты знаю». Оба сѣли на коней и выѣхали въ поле Стали они тамъ впереди своихъ полковъ, оборотившись лицомъ къ сторонѣ татарской, и начали прислушиваться: слышенъ былъ оттолѣ стукъ и крикъ превеликій, какъ будто торги тамъ происходили, города ставились и трубы голосили. Позади татарскихъ полковъ волки страшно выли, а справа вороны и галки граяли, перелетая съ мѣста на мѣсто; на противоположной же сторонѣ—на рѣкѣ Непрядвѣ, гуси, лебеди и утки необычно гоготали и плескались крыльями.—«Что слышишь, князь? спросилъ Волынецъ Димитрія —Слышу, братъ, грозу великую.—Оборотись теперь на полки русскіе: слы-

шишь ли что?—Ничего не слышно: видно только зарево отъ множества огней.—Добрыя это примѣты и знаменія, государь: молись Богу и уповай на него.—А вотъ и еще у меня есть примѣта, проговорилъ тутъ Волынскій князь и сошедъ съ коня, припалъ ухомъ къ землѣ и долго такъ пролежалъ. Какая, братъ, это примѣта спросилъ Димитрій Іоанновичъ? Тотъ не хотѣлъ сказать, но Великій князь очень принуждалъ.—Одна тебѣ на пользу, отвѣчалъ Волынецъ, другая—печальная.—Земля какъ бы плачется на-двое: одна сторона, какъ бѣдная жена, оплакиваетъ дѣтей своихъ, другая же—какъ дѣвица, воззвучавшая въ свирѣль... Я испыталъ много такихъ примѣтъ и отъ того надѣюсь на Бога и на св. мучениковъ, Бориса и Глѣба, сродниковъ твоихъ: —будетъ побѣда на поганыхъ, но и христіанъ множество падетъ». Слышавъ такія слова, прослезился Димитрій и сказалъ: «да будетъ воля державы Господней»!—Волынецъ наказывалъ ему при томъ: «не должно, государь, никому того сказывать въ полкахъ; вели только всѣмъ молиться Богу и призывать на помощь святыхъ его».

Наступилъ день праздника Рождества Богородицы, начальный день спасенія рода христіанскаго. Солнце взошло въ туманѣ. Раздались звуки трубные, и начали сниматься со стана обѣ стороны. Русскія трубы заглушали татарскія. Еще полковъ было не видно во мглѣ утренней, но «земля стономъ стонала, говоритъ сказатель, до моря на востокъ и до Дуная на западъ. Всколебалось поле Куликово, луга и болота, рѣки и озера. Никогда невидно было такой силы на тѣхъ мѣстахъ».—Князь Московскій, сѣвъ на коня

объѣхалъ свои дружины и, устроивая ихъ къ бою, такъ говорилъ воеводамъ: «отцы и братья! Ополчимся за имя Христово! Умремъ честною смертію!—И та смерть будетъ не въ смерть намъ, но въ животъ вѣчный. Забудьте все земное, чтобы сподобиться отъ Христа Спасителя нашего вѣнцовъ небесныхъ».—Урядивъ рать, какъ было должно, Димитрій вернулся къ своему черному знамени, пересѣлъ тамъ на другаго коня, а своего отдалъ любимому болярину своему, Михайлу Андрѣевичу Бренку; надѣлъ также на себя вмѣсто княжескаго—платье простого ратника, а въ то велѣлъ одѣться своему любимцу и приказалъ великокняжеское знамя возить передъ нимъ своему рындѣ (т. е. оруженосцу, въ родѣ нынѣшнихъ придворныхъ пажей). Подъ тѣмъ знаменемъ и палъ Бренкъ, какъ честный слуга и другъ княжій, за Великаго князя,—не узнанный татарами.—Сталъ В. князь на своемъ мѣстѣ, лицомъ передъ чернымъ знаменемъ и, преклонивъ передъ нимъ колѣна, пламенно помолился Богу; потомъ взялъ палицу желѣзную и выѣхалъ впереди своихъ *полковъ*, чтобы самому открыть сраженіе. *Напрасно удерживали* его отъ того русскіе *князья и воеводы, говоря:* «не слѣдуетъ тебѣ, государь, самому быть въ рядахъ ратниковъ; нужно тебѣ особо со своей дружиной стоять въ безопасномъ мѣстѣ и наблюдать за нами». Но В. князь отвѣчалъ на то: «хороши, братья, ваши рѣчи, и я хвалю васъ за нихъ. Но я вамъ головой былъ въ благовремены: могу ли не быть головой же и въ безвремены? Можно ли мнѣ видѣть васъ погибающихъ, а самому стоять въ сторонѣ? Нельзя того потерпѣть мнѣ. Будемъ пить одну общую чашу.—Умереть, такъ умремъ

вмѣстѣ, останусь ли живъ, такъ и-то вмѣстѣ вами же».

Въ шестомъ часу дня оба войска дви лись другъ на друга. Татаръ было гораздо бо ше Русскихъ. Уже передовые полки начали с диться. Мамай смотрѣлъ на нихъ съ высок мѣста, сидя на конѣ, окруженный своими му зами, какъ вдругъ выѣхалъ изъ толпы непр тельской богатырь Темиръ-мурза,—страшны ростомъ и дородствомъ, подобный древнему Г ліафу. Сталъ онъ храбровать и похваляться п редъ Русскими, понося ихъ разными обидны словами и вызывая кого нибудь на ратоборст съ собой. Русскіе молча стояли и тоскливо п сматривали другъ на друга... Но вотъ среди ряды ихъ зашатались,—и показался русскій в тязь.—То былъ инокъ Пересвѣтъ изъ полку Д митрія Всеволожкаго. Была сверху латъ его н дѣта на немъ монашеская одежда, а на шлемѣ- схимническій крестъ. Сотворивъ крестное знам ніе и сказавши землякамъ: «отцы и братья! пр стите меня грѣшнаго»! устремился онъ на пр тивника.—Всѣ христіане кликнули: «Боже! помо ги рабу твоему»!—Богатыри сшиблись копьями- и только и видѣли, что кони подъ ними окарач пали—и оба всадника повалились съ нихъ з земь замертво... «Богъ намъ прибѣжище и сила» воскликнулъ тогда Димитрій,—и началась обща битва. Каждый ударилъ по коню своему, и всѣ единогласно возопивъ: «Боже! помоги намъ»! п неслись на татаръ. Татары издали свой крикъ крѣпко наступили на Русскихъ.—Затрещали копь и мечи булатные, зазвенѣли доспѣхи золоченые застучали щиты червленые, заблистали сабл острыя.—На десяти верстахъ покрылось пол

сражающимися. Бились стойко и яростно съ той и другой стороны—нетолько оружіемъ, но и рукопашнымъ боемъ,—рубились мечами, хватая другъ друга за руки, бились съ утра до полудня и съ полудня до заката солнечнаго. Была сѣча великая и брань неслыханная. Лилась кровь христіанская и татарская, какъ дождевая туча; пало безъ числа народу; валились трупы на трупы, тѣла татарскія на тѣла христіанскія, какъ скошенная трава; индѣ гнался русинъ за татариномъ, индѣ татаринъ одолѣвалъ русина. Все перемѣшилось въ свалкѣ.—Стрѣлы тьмили небо тучею. Въ воздухѣ гулъ стоялъ отъ воплей и стоновъ человѣческихъ, и было въ немъ до того душно, что люди задыхались отъ тѣсноты. Конямъ негдѣ было ступать отъ груды мертвыхъ тѣлъ, и они по колѣно бродили въ крови.—Не хотѣли уступить татары, не хотѣли уступить и Русскіе. Одни сражались за отчизну и свободу отъ вражьей неволи, полтораста лѣтъ надъ ними тяготѣвшей, за своихъ женъ и дочерей, многіе за послѣдній пожитокъ и кусокъ хлѣба, за алтари Господни и могилы отцовъ, другіе—за обладаніе Московскимъ улусомъ, (какъ татары называли Русь), за свои ордынскіе выходы и чорные боры (т. е. поборы въ орду съ чернаго народа и дани), за свою гордыню бусурманскую, за пожогъ и разграбленіе селъ и городовъ; за полонъ мужей христіанъ и женъ ихъ,—своихъ полоняниковъ.—Уже много пало русскихъ храбрыхъ князей и бояръ. Самъ Великій князь Димитрій весь былъ въ ранахъ и, сойдя съ коня, уклонился отъ бою, истекая кровью,—едва живъ. Около полудня татары начали одолѣвать. Многіе изъ Русскихъ съ отчаянія стали бросаться подъ ноги лошадей,

нехотя пережить такого ужаснаго несчастія. Нѣсколько русскихъ стяговъ подсѣкли уже татары и съ трехъ сторонъ начали обступать христіанъ. Вездѣ больше было видно полковъ татарскихъ, меньше оставалось полковъ русскихъ. Татары добирались до самаго великокняжескаго чорнаго знамени, и вѣрная дружина Димитріева съ трудомъ его отстаивала. Вдругъ татары сдѣлали страшный натискъ. Еще бы съ часъ времени—и тогда конецъ.... Но видѣли все это изъ залѣсу засѣвшіе тамъ со свѣжею дружиною Владиміръ Андрѣевичъ и воевода Волынскій Димитрій.—Еще въ началѣ битвы Владиміръ Андрѣевичъ говорилъ нетерпѣливо своему товарищу: «что же мы стоимъ здѣсь безъ дѣла, братъ Димитрій?—Велика бѣда», отвѣчалъ тотъ, «но непришло еще наше время. Начнемъ безвременно,-только все испортимъ.—Потерпи нѣсколько да молись Богу.» А воины въ полку его плакали, видя, какъ побивали ихъ братьевъ, и порывались на бой, какъ на пиръ брачный. Волынецъ все сдерживалъ ихъ и говорилъ: «пождите немного, ретивая Русь. Будетъ вамъ съ кѣмъ потѣшиться, пиръ пировать и веселиться»! а самъ глазъ не спускалъ съ поля сѣчи и выжидалъ удобнаго времени для нападенія. Когда же увидѣлъ, что Русскіе начали изнемогать отъ напора татарскаго и уже готовы обратиться въ бѣгство, то, поспѣшно обнаживъ мечь и садясь на коня, возопилъ громко: «теперь наше время! Впередъ, други и братья. Съ нами силы небесныя!»—Выскакали засадные полки изъ залѣсу, ихъ схоронявшаго, и полетѣли на Татаръ, какъ соколы на стаю журавлей. Татары не выдержали этого нежданнаго натиска и, закричали: «не-

рехитрила насъ Русь!» дались бѣгству... «Великъ Богъ христіанскій»! молвилъ Мамай—и побѣжалъ въ числѣ первыхъ. Русскіе преслѣдовали ихъ и рубили безъ милости. Тѣ побросали свое оружіе и склоняли голову подъ мечи русскіе. Многіе изъ татаръ отъ христіанской руки пали, а другіе въ рѣкѣ утонули. Ихъ гнали нѣсколько верстъ на побѣгѣ и захватили весь ихъ обозъ. Много досталось добычи побѣдителямъ: дорогихъ узорочьевъ, доспѣховъ и коней, воловъ и верблюдовъ, вина, и сластей, и добра всякаго.—Приходилъ Мамай на Русь съ девятью ордами и семидесятью князьями, а бѣжалъ изъ ней самъ девятъ въ лукоморье (т. е. къ Азовскому морю), гдѣ побитъ былъ ханомъ Тохтамышемъ.

Прекративъ преслѣдованіе, Владиміръ Андрѣевичъ «сталъ на костяхъ» на полѣ Куликовомъ подъ чернымъ великокняжескимъ знаменемъ и велѣлъ трубить въ трубы. Всѣ оставшіеся въ живыхъ (а ихъ было всего 40 тысячъ) ратники собрались на этотъ зовъ. Но Великаго князя между ними не было. Въ сильной тревогѣ начали разыскивать его по всѣмъ мѣстамъ. Но долго всѣ поиски были напрасны. Уже начинали думать, что государь убитъ. Кто говорилъ, что видѣлъ его тяжело раненымъ, и его надо отыскивать въ грудѣ мертвыхъ тѣлъ, кто,-что онъ одинъ отбивался отъ четырехъ татаръ, но потомъ пропалъ изъ виду, кто сказывалъ иное. Владиміръ страшно тужилъ и со слезами просилъ ратниковъ сыскать ему брата, обѣщая большую за то награду. Скоро нашли тѣло Бренка въ княжескихъ латахъ и шлемѣ, и его-было-приняли за Великаго князя; нѣкоторые признали за Димитрія одного изъ князей Бѣлозерскихъ, кото-

рый былъ похожъ на него. Наконецъ двое воиновъ (Сабуръ да Григорій Хлопищевъ изъ костромичей), отойдя въ правую сторону отъ главнаго мѣста побоища къ дубраву, открыли тамъ государя лежащимъ подъ деревомъ,—съ закрытыми глазами, блѣднымъ лицомъ, въ окровавленной одеждѣ, съ изломанными доспѣхами. Но онъ не былъ мертвъ, а только лишился чувствъ отъ потери крови. Владиміръ Андрѣевичъ поскакалъ туда, и какъ только нѣсколько государь очнулся, радостно привѣтствовалъ его съ побѣдою. Всѣ князья и бояре собрались около «первоначальника русской славы», и соскочивъ съ коней и кланяясь, повторили ему это привѣтствіе. Димитрій съ трудомъ проговорилъ: «разскажите, какъ мы побѣдили» и потомъ, вставъ на ноги и возблагодаривъ Бога, началъ съ восторгомъ обнимать окружающихъ. Отслужили за побѣду благодарственныя молебенъ и панихиду по душамъ падшихъ въ битвѣ воиновъ.—Стоялъ Великій князь за Дономъ до тѣхъ поръ, покамѣстъ разобрали отъ татарскихъ тѣла христіанъ и предали честному погребенію.

«Сосчитайте, братья, сколько у насъ нѣтъ воеводъ и сколько ратниковъ», сказалъ Димитрій Іоанновичъ, «стоя на костяхъ».—Отвѣчалъ ему Московскій бояринъ Михайло Александровичъ: «у насъ нѣтъ, Великій государь, 40 бояръ московскихъ, 12 князей бѣлозерскихъ, 30 новогородскихъ посадниковъ, 20 бояръ коломенскихъ, 40 бояръ серпуховскихъ, 30 пановъ литовскихъ, 25 бояръ костромскихъ, 35 бояръ володимірскихъ, 8 бояръ суздальскихъ, 40 бояръ муромскихъ, 34 бояръ ростовскихъ, 23 бояръ дмитровскихъ, 60 бояръ можайскихъ, 30 бо-

яръ звенигородскихъ, 15 бояръ углицкихъ, всего посѣчено отъ безбожнаго Мамая тысячъ за сто».

Распространилось по русской землѣ веселіе, пронеслась слава русская по самымъ дальнимъ краямъ и городамъ—даже до Крыма, Кафы, Желѣзныхъ воротъ (нынѣшняго Дербента) и Царьграда, на татаръ же—пошла хула и пагуба.

Въ честь донской побѣды народъ проименовалъ Димитрія Іоанновича «Донскимъ,» а брата его Владиміра Андрѣевича—«храбрымъ»; въ память же положившихъ животъ свой за отечество воиновъ на полѣ Куликовомъ, Димитрій установилъ на вѣчныя времена поминъ церковный по душамъ ихъ въ дмитровскую субботу, между 18 и 26 числами октября мѣсяца, доколѣ будетъ стоять Россія, что и понынѣ неуклонно св. православною церковію совершается.

П. Катаевъ.

2007059108